

The background of the cover is an impressionistic painting of a sky. The colors transition from a clear blue at the top to a bright white in the middle, and then to warm, glowing shades of orange, red, and yellow at the bottom, suggesting a sunset or sunrise. The brushstrokes are thick and textured, creating a sense of movement and light.

Мы снова увидимся

18+

Игнатов Алексей

Алексей Игнатов

Мы снова увидимся

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69488338

SelfPub; 2023

Аннотация

Сеансы регрессивной терапии помогли ему вспомнить множество прошлых жизней, и каждая из них закончилась одним и тем же – убийство случайного незнакомца и собственная смерть. Он рождается, снова и снова, из века в век, чтобы убить и умереть. Но не стоит винить его – у богов совсем иное понимание времени...

Алексей Игнатов

Мы снова увидимся

– Сеанс регрессии, 12 мая, Лаэрт Лаймон, запись включена. Давайте начнем!

– Как-то я не уверен, что стоит это делать, док.

– Я уверен! Пока вы не найдете источник проблемы, вы не решите саму проблему. А почему вы называете меня «доком»? Я не доктор, и вы не пациент.

– Ну, вы же копаетесь у меня в голове, разве нет? Вспомнить проблему, решить проблему...

– Нет-нет, Лаэрт, я не копаюсь у вас в голове, и мы это уже обсуждали. Это не гипноз, не психотерапия, это...

– Да, док, я помню. Это регрессивная терапия, возврат в прошлые жизни, что бы я мог вспомнить другие свои воплощения и понять, кем я был раньше. Это я помню – реинкарнация, карма, и все такое. Но очень уж это все похоже на психотерапию, которая у меня была.

– А эта психотерапия принесла вам пользу? Вы решили проблему, пока обсуждали с врачом свое детство и ссоры с отцом? Нет, не решили. Вы даже не смогли понять, в чем состоит ваша проблема. На нашем первом сеансе вы говорили об убийствах. Вам кажется, что вы родились, что бы кого-то убить. Вы говорили это буквально или здесь заключена метафора?

– Да уж конечно буквально, док, какие тут метафоры...

– И ни один терапевт не понял, что с вами происходит.

Почему?

– Это вы мне скажите!

– Скажу! Они искали причину в вашем детстве, а она спрятана куда глубже, далеко за пределами вашего рождения. Это не детские травмы, а то, что вы несете с собой из одного воплощения в другое. Когда-то вы ощутили вину за чью-то смерть, и теперь вас преследует ощущение, что вы виновны в этой смерти, что вы – убийца! Поэтому вам кажется, что ваша судьба – убить кого-то. Так что вам не стоит буквально воспринимать наш последний сеанс.

– А как мне его воспринимать тогда? Я же сам все вспомнил! Все на самом деле было, я прирезал этого святошу, прямо бритвой по горлу! Там кровяшка кругом! А потом и себя самого прирезал! Саму... Или самого? Как мне говорить, если я тогда был теткой?

– Спокойнее, для начала, вот как стоит говорить. Вам не хочется снова это пережить, но без этого не обойтись. Вам нужно войти в сеанс и вспомнить, что тогда случилось. Вы расскажите мне все, что увидите, а потом обязательно запишите это в дневник. Мы сделаем так же, как в прошлый раз. Я буду считать от 10 до 0. Когда я скажу «ноль» вы вернетесь в ваше прошлое воплощение. Представьте лестницу, которая ведет вниз. Вы спускаетесь, и каждая ступенька – это годы вашей жизни. 10. Вы стоите на верхней ступеньке. 9. Вы де-

лаете шаг вниз, и еще один, еще, уходите все глубже. 8... 7...

***

Мы думали, что чума осталась в далеком прошлом, и уже не вернется. Мы ошиблись.

Я помню, как в Кротвиль пришла весть о перемирии. Война закончилась! Ее называли Великой Войной. Говорили, что это война, которая покончит со всеми войнами. Владелец пивной выкатил бочки на улицу, наливал всем, кто шел мимо, и не просил денег. Театр отменил представления – кому нужен театр, когда сценой стал весь город! Люди смеялись и пели, кричали «Гип-гип-ура!», танцевали прямо на Соборной площади. Я танцевала вместе с ними. Меня толкали со всех сторон, какой-то моряк отдал мне ногу и поцеловал у всех на глазах, и вовсе я не была против. Мы праздновали мир и встречали лучший день в жизни каждого из нас.

Мы думали, что беды закончились, и больше не вернутся. Но мы снова ошиблись.

Всадники Апокалипсиса уже шли через Кротвиль, один за другим. Первым пришла Война. За ней въехал Голод. А теперь и всадник Чумы пришел в город. Он веселился вместе с нами, и пока мы толкались, целовались и пожимали руки, мы делали его работу. Мы передавали друг другу вирус, из рук в руки, из дома в дом.

Грипп, Испанка, Синяя Смерть, Москитная Лихорадка – у болезни много имен, но в Кротвиле мы ее назвали про-

сто «Болезнь», все и так знали, о какой болезни речь. Великая Война покрыла землю тысячами тел, оставшихся без погребения, превратила поля сражений в рассадник инфекции. Солдаты заболели первыми, но власти не потрудились рассказывать о новом вирусе. «Это могло вызвать панику среди населения!» – так нам потом скажут. Мы смеялись и танцевали на улицах, мы праздновали, и не знали, что приближается. А когда узнали, бежать было уже поздно, и среди населения началась такая паника, какой город еще не видывал.

Когда я окончила курсы медсестер, я еще умела мечтать, и в своих мечтах помогала людям, облегчала их боль, а они благодарили меня и дарили цветы. Я видела себя в белоснежном халате, в сверкающей операционной, где старый доктор Ансель, виртуозный хирург, прославленный на всю страну, принимает скальпель из моих рук. Однажды я смогу занять его место и стать первой женщиной-хирургом в Кротвиле! Да и во всей стране, а то и на всем континенте!

Но пришла война, и мой халат залила кровь. Мы зашивали раны, вправляли кости, отпиливали искалеченные взрывами руки и ноги, а раненные молились и кричали, умоляли дать им умереть, что бы боль прекратилась. И мы давали им умереть.

Война закончилась, но стало еще хуже. Бои обошли Кротвиль стороной, здесь никогда не было много солдат, и с всадником Войны мы еще могли справиться. Но Чума вошла в город и накрыла его целиком.

Город пропах. Вонь стояла повсюду, вонь от оставшихся в домах тел, от сгнившей еды на столах, от выгребных ям. Катафалки ехали по улицам один за другим, и каждый вез куда больше, чем один гроб. Когда умер гробовщик, в ход пошли шторы и одеяла. Мы заворачивали тела, что бы ни видеть их лица, и выбрасывали в ямы, которые никто не тропился закапывать.

Пока еще живые люди лежали на полу в больничных коридорах, кричали и плакали, молились Богу и проклинали его. Каждый вечер я клялась себе, что брошу все и сбегу, но каждое утро снова обходила больницу, раздавая лекарства. В ход пошли аспирин, хинин, лактат кальция... И даже хлор, стрихнин, креозот. И виски! Очень много виски.

Я не знаю, что убило тогда больше людей, болезнь или эти лекарства. Те, кто захлебывался собственной кровью, запили аспирин стаканом виски, и требовали еще, даже если это не помогало. Утром я раздавала аспирин. Вечером я выносила тела. Мы сваливали их в яму с известью, врытую во дворе, без похорон, без отпевания. Преподобный читал свои молитвы только в храме, он никогда и близко не приходил к тем, кто заболел, он знал, что вера не защитит его от Болезни. Иногда мы поджигали тела в яме, что бы уничтожить заразу, но и это не помогало, зараза распространялась, а запах горящих трупов приносил еще больше отчаяния.

Я помню, как больные бросались с крыши больницы. Как врачи падали без сил и спали на полу, а место умерших па-

циентов занимали те, кто еще недавно их лечил. Я застала доктора Ансея в его операционной. Он держал на руках на руках тело маленькой девочки, плакал и пил виски.

Утром я вынесла во двор два трупа, маленькую девочку и доктора Ансея. Он вскрыл себе вены своим же скальпелем. Скальпель я выбросила в яму, не хотела испытывать соблазн уйти вслед за доктором. Но соблазн остался.

По дороге домой я купила бритву. «Мужу покупаете?» – спросил тогда лавочник. Глупый вопрос, но я его запомнила. На следующий день лавочник лежал на полу больницы, молился и умолял меня дать ему что-нибудь от боли. Еще через пару дней он проклинал меня, называл тварью и ведьмой, кричал, что это я принесла в его лавку заразу из больницы, и буду гореть за это в аду. А еще через неделю его посиневшее тело отправилось в яму.

Я сидела тогда на краю ямы, и держала бритву у горла. Но в тот день я не умерла. Просто упасть в яму с телами и исчезнуть, без цели, без смысла – это все равно сдать себя болезни, а сдаваться я не собиралась. У меня была цель! Когда-то казалось, что эта цель – спасти и утешать, но лавочник был прав. Я несу смерть. Моя цель – убивать.

На следующий день привезли преподобного. Ежедневно он проповедовал смирение и утешал людей. Рассказывал о неисповедимых путях Господа. Говорил, что у всего есть своя причина, что смерть не повод для скорби, а те, кто покинул нас, теперь перешли в лучший мир, мы должны верить

в это, и не забывать, что Бог есть любовь, и он не посылает нам испытаний, которые нам не по силам. Надо лишь верить!

Но он не верил, и не молился. Пока все вокруг умоляли бога пощадить их, преподобный требовал перепроверить диагноз, предоставить лучшие лекарства и привести к нему лучших врачей. Он не знал еще, что лучшие врачи давно ушли в яму во дворе больницы. Когда его привезли, я поняла, для чего я лечила людей, для чего отпиливала ноги, раздавала аспирин и плакала ночи напролет. Все это – ради него! Моя жизнь – ради него. Бритва в моей руке – ради него.

И я убила его.

Во время обхода, раздавая бесполезные лекарства, я вынула бритву и провела ей по горлу преподобного. После стольких лет отчаяния и ужаса, после Войны, Голода и Чумы, я сама стала последним всадником. Я – Смерть. Все случилось именно так, как должно было случиться, и я улыбалась, глядя как преподобный умирает. Я знала, что во всем права, и знала, что должна сделать дальше.

«Мы увидимся снова, преподобный!» – так я сказала, пока еще могла говорить. А потом поднесла лезвие бритвы к своему горлу.

***

– Сеанс регрессии, 22 мая, Лаэрт Лаймон, запись включена. Расскажите мне...

– Я все еще сомневаюсь, что стоит продолжать, док! Это же жуть жуткая, я в тот прямо вспомнил, как сам резал себе

глотку! Больно было, как на самом деле! И я убийца, я точно помню. А я даже не знал тогда этого священника, но все равно прирезал его! И еще это вот: «Мы снова увидимся!» – это как понимать вообще?

– Обещаю, мы во всем разберемся. Присядьте, Лаэрт, присядьте! Вам ничего не грозит, ваше прошлое не может причинить вреда ни вам, ни мне, оно лишь помогает решить проблемы вашего настоящего. В том, что вы видели, может быть иносказание, метафора.

– Да какая еще метафора, док? Я человека зарезал и мне понравилось. Это у всех так, что бы прямо помнить все, все ощущать? Что бы снова было больно, как на самом деле?

– Нет, обычно нет. Ваши воспоминания о прошлой жизни самые яркие, какие мне встречались. И на моей памяти еще никто не продвигался так быстро. Вы делаете большие успехи, Лаэрт! Но вы упоминали сны. Расскажите мне о них.

– Сны... Кошмары! И в каждом все кончается одинаково, я опять убиваю кого-то, а потом себя. И всегда говорю эти слова. Это тоже связано с моими прошлыми жизнями, док? Воспоминания во снах?

– Просто расскажите мне, что вам снилось.

– Я убил ребенка. Где-то в Азии, похоже на Китай, только не современный, а в прошлом. Ну да, это же моя прошлая жизнь! Глупость сказал, конечно, в прошлом. Я был старой женщиной, и встретил мать с ребенком, они гуляли на берегу реки. Маленький мальчик, лет пяти – шести. Я так обра-

довался, как будто искал его всю жизнь, поговорил с его матерью, похвалил парнишку, а потом взял его на руки и прыгнул в реку. И мы оба утонули. И я опять сказал это вот: «Мы снова увидимся!».

– Мы найдем причину, обещаю, мы...

– Да я сам причина, я! Я псих, я убиваю людей. Детей! Я так не хочу! Это моя карма, да?.. Бывает вообще такая карма, что бы убивать кого попало? Я же с собой нож принес, док. Я теперь все время нож ношу!

– Что бы убить кого-то как, в ваших снах?..

– Нет! Нет, что вы, док. Я никого не хочу убивать. А что делать, если вы не правы? Если это не метафора, а я реально вот так живу по кругу, раз за разом, и каждый раз кого-то убиваю? Какой-то недоделанный кармический маньяк, который режет людей. Я не хочу опять убивать, с меня хватит! Если меня потянет на убийства, я лучше достану нож, и горло себе перережу, как в прошлый раз. Только сразу, а не когда уже убью кого-то. Может это мне зачтется? Самопожертвование и все такое. Умру, что бы спасти других, и в рай попаду!

– Давайте не будем так драматизировать! Рая не существует, есть только прошлые и будущие воплощения. И вы не маньяк. Не бывает маньяков, которые убивают из жизни в жизнь, да еще и всего один раз в каждой жизни! Маньяки не останавливаются. Вы же не помните множества убийств за одну жизнь?

– Только одно. И я тут вспомнил, вы говорили, что надо искать суть и не отвлекаться на проверки. Но я отвлекся, я поехал туда...

– Куда это – туда?

– Ну, туда. Где жил, когда был медсестрой, в это их Кротвиль. Покопался в газетных архивах и нашел историю про медсестру, которая во время эпидемии испанки спятила и убила большого священника. А если я сам разбужу это все в себе? Найду я причину, узнаю, что меня сделало маньяком. И что? Это же снова сделает меня маньяком! В меня опять демон вселится и я...

– Лаэрт! Остановитесь. Вы не одержимы. И вы не маньяк. Ваш разум выдает вам лишь часть большой общей картины. Вы же не помните, что было до убийства, кто был тот священник? Может быть, это он был маньяком, и вы спасли от него других больных? Или он так страдал, что вы сделали это из милосердия? И вы ощутили желание кого-то убить еще до того, как занялись регрессией, значит причина не в ней. Вспомните, с чего все началось, и вы поймете, откуда к вам приходят образы убийств и что они означают. Нам пора начинать сеанс. Я буду считать от 10 до 0. 10... 9... 8...

***

Труд фокусника редко считают искусством. Чаще фокусы называют забавой для детей или дешевым балаганным развлечением, и сам я начинал именно так, с дешевого балагана. Распиливание женщины пополам, впервые в мире, сен-

сационный трюк! И каждый ребенок в зале знает, в чем его секрет. Раздаются аплодисменты, такие же жидкие, как балаганное пиво, и вот уже пора освобождать сцену тем, кого на самом деле ждет зал – метателю ножей или арабским танцовщицам.

Фокуснику сложнее заслужить уважение, чем художнику или музыканту. Фокуснику вообще сложнее, всегда! Наше ремесло требует сочетания качеств, которые редко приходят к одному человеку. Нужно быть артистом, уметь делать шоу, и тогда исчезновение монетки заставит публику затаить дыхание. Но о монетке все скоро забудут, и нужно быть изобретателем, инженером, что бы создать новый реквизит, новые машины для трюков, новые иллюзии. И тогда вы сможете поймать пулю зубами или пройти сквозь стену, но и об этом все быстро забудут, если трюк не будет настоящим представлением, сверкающим и ярким, полным интриг, изящества и прекрасных ассистенток, обнаживших свое тело настолько, насколько это позволяют местные законы и представления о морали.

Быть артистом, быть изобретателем, быть обманщиком, быть немножко безумцем, все это сразу – вот что значит быть фокусником. Иметь особые извращенные мозги, которые видят реальность с обратной стороны, во всем сомневаться и всегда ищут другой путь, который никто еще не нашел – вот что значит быть фокусником.

Мало кто может все это сразу. Я могу. Балаганы, где

женщину распиливают в промежутке между выступлениями клоунов и выходом на сцену Удивительного Человека-Краба, давно остались в прошлом. Я гастролирую с собственной программой, со своими помощниками, костюмерами, и с ассистентками, Бэллой и Донной. Разумеется, это не их настоящие имена, но и Хасан аль Азре ибн Хамир, как написанное на мои афишах, тоже не настоящее имя.

На сцене я делаю то же, что и все прочие, но делаю это лучше других. Любой может распилить женщину, спрятанную в ящике, и всякий знает, что внутри ящика сидят две женщины. Но сумеете сделать это без всяких ящиков! Я сумел. Когда огромная пила рассекла Бэллу пополам, разорвала ее платье на куски, а она махала руками и посылала воздушные поцелуи, нескольких дам пришлось вынести из зала на руках.

На номере с гильотиной из зала порой выносили мужчин. Я выкатывал на сцену настоящую гильотину, и каждый мог проверить ее нож, убедиться в его остроте. Помощники крепили мою голову прямо под лезвием, а под подбородок подсовывали дыню. Бэлла дергает за веревку, нож падает, проходит сквозь мою шею и рассекает дыню пополам! Но не шею, разумеется, я остаюсь жив, дети визжат, мужчин выносят из зала, все счастливы.

Любой может проткнуть ассистентку мечами. Девушка сидит в ящике, фокусник втыкает в него мечи, девушка остается невредима, но все знают, что внутри ящика полно ме-

ста, и она просто увернулась от мечей. В своем лучшем номере я пронзил ассистентку шпагой. Всего одной, но зато и это я сделал без ящика, на глазах у всех.

Мне всегда нравилось создавать иллюзию смерти. Есть что-то завораживающее, на самом деле волшебное, в тот момент, когда шпага протыкает живот красотки Бэллы. В это время я понимал, что живу не зря, и все это не просто шоу. У моих представлений есть цель, хотя пока я не понял, какая.

Номер со шпагой я всегда ставил в конец представления. Бэлла, одетая в воздушное платье, открывающее роскошный вид на ее грудь, но хорошо скрывающее живот, выходила на сцену. Я привязывал ее руки и ноги к прочным стойкам, а Донна выносила шпагу. Любой зритель мог выйти и убедиться, что шпага настоящая, прочная и острая, а веревки держат Бэллу очень крепко, без всякого обмана. Никакого обмана и не было – в этот момент.

Донна отдавала мне шпагу, я прижимал ее к животу Бэллы, и под торжественную музыку вонзал ее тело. Шпага проходила насквозь и выходила из спины, покрытая кровью. Бэлла без сил повисала на стойках, дамы ахали, дети плакали, а я вынимал шпагу из тела Бэллы, и та «воскресала», живая и невредимая.

Донна снова забирала шпагу, и любой мог еще раз убедиться, что она абсолютно настоящая и безукоризненно острая. Шпагу потом продавали с аукциона, и обычно цена была впечатляющей. Многие платили за самую обычную шпа-

гу, надеясь найти в ней разгадку трюка. Они всегда думают, что могут раскрыть секрет, но они слепцы, которые не замечают главное.

Простофили уверены, что ассистентка просто радуется их глаз и помогает фокуснику, который делает трюк. Зрители поумнее понимают, что ассистентка, красивая, ярко освещенная и скудно одетая, всего лишь отвлекает их внимание. Они хотят понять, в чем секрет, и во все глаза следят за руками фокусника, не обращая внимания на ассистентку, и пропускают всю суть. И только настоящие знатоки знаю, что внимание отвлекает сам фокусник, а весь трюк делает ассистентка, причем задолго до того, как зрители начинают присматриваться, стараясь понять, в чем подвох.

Этот номер держался не на моем искусстве, и не красавице Бэлле. Все делала Донна! Я сам сшил ее пышное платье, сложенное из сплошных складок и бесконечных оборок. Целомудренный наряд надежно укрывал тело, не привлекал внимание, и позволял легко спрятать шпагу. В зале всегда хватало мужчин, желающих лично проверить прочность веревок на обнаженных ножках Бэллы, а на Донну никто и не смотрел. Ей хватало секунды, что бы подменить настоящую шпагу поддельной, упругой и гибкой.

Бэлла носила под платьем особый пояс из плоской стальной трубки, огибающей ее живот и наполненной бутафорской кровью. Я сам его изобрел, и горжусь им! Вот в него-то и попадала гибкая шпага, проходила внутри трубки в об-

ход тела, и выходила со стороны спины, покрытая «кровью». Мерцающий свет, блестящие одежды и собственный страх мешали публике рассмотреть детали, я выдергивал шпагу обратно, а воскрешение моей помощницы снова отвлекало внимание, и Донна опять меняла шпагу на настоящую. Вот как все просто, если знаешь, на что смотреть!

Я показывал этот номер почти год. Зрители привыкли, перестали кричать, дам больше не выносили из зала. Приходила пора новых трюков, но я не мог заставить себя отказаться от шпаги. Шпага радовала меня. Шпага придавала всему смысл, втыкая ее в живот Бэллы, я чувствовал, что живу не зря. У меня есть цель!

И я оставил Донну за кулисами. Каждый ассистент знает только то, что должен знать, я не раскрываю секреты трюков тем, кто сам в них не участвует. Поэтому Донна не спорила, когда я сказал, что ее помощь больше не нужна и я сам подменю шпагу, новым способом, что бы освежить старый номер. Не спорили и другие мои помощники, когда я приказал выкатить на сцену гильотину. Бэлла могла бы поспорить, но нельзя спорить на сцене, так что мне никто не возразил.

– Дамы и господа! – объявил я публике, – Вы видели многое. Видели сегодня и вчера, за этот вечер и много лет назад. Вы видели, как я побеждал смерть, снова и снова. Вы видели, как я провел 40 часов стоя на столбе, и как на час задержал дыхание под водой. Я выбрался из запертого сейфа, сброшенного в Ниагарский водопад. Я был сожжен заживо

на костре, у вас на глазах, но шагнул из пламени невредимый. Однако того, что вы увидите прямо сейчас, не видел еще никто за всю историю мира. И это не обычный трюк со шпагой! Это вообще не трюк, а свидетельство нестигаемой воли и силы духа. Вы увидите истинное торжество веры в свою правоту и готовности бросить вызов смерти, не прибегая к обману. Вы готовы?

Они кричали: «Дааа!», и не были готовы. Бэлла смотрела на меня в полном недоумении, но она не станет спорить на сцене, даже если что-то пойдет не так. Представление должно продолжаться, любой ценой. Я взял шпагу. Не было никакого нового способа ее подменить, не было никакой подмены вообще, только одна шпага, настоящая, крепкая и безупречно острая.

«Не волнуйся Бэлла, все хорошо, и все идет по плану. Мы снова увидимся!» – так я сказал, прежде чем воткнуть шпагу ей под ребра. Лезвие прошло насквозь и вышло из спины. Все так же, как на остальных представлениях, только кровь уже не была бутафорской, а крик боли не был игрой. Я разорвал ее платье, и показал обмякшее тело зрителям.

– Как видите, дамы и господа, здесь нет никакого обмана! – зал молчал. Ни криков, ни аплодисментов.

– Как мне удастся вернуть к жизни красавицу Бэллу? И удастся ли вообще? Не спешите искать ответ на этот вопрос, сегодняшний вечер еще принесет сюрпризы, и я обещаю, вы их не забудете!

Я улыбался и махал руками молчащему залу, пока шел к гильотине и опускал голову под нож. Кто-то в зале начал визжать, Дона выскочила на сцену, но представление должно продолжаться любой ценой! Представление всегда идет до конца.

«Мы снова увидимся!» – крикнул я и дернул веревку, освобождая лезвие гильотины. Нож упал. Нож сегодня тоже был самым настоящим, без всяких трюков и обмана.

***

– Сеанс регрессии, 21 июня, Лаэрт Лаймон, запись включена. Скажите, Лаэрт, вы все еще чувствуете желание убивать?

– Постоянно, док. И куда сильнее, чем раньше. Только не всех подряд, а кого-то особенного.

– Кого?

– Да я сам без понятия! Не знаю, наверное, встречу его и решу убить, как раньше было. Пойму, что это он!

– Вы все еще планируете убить себя до того, как убьете его? Вы носите с собой нож?

– Всегда! А вообще вы правы, док. Стоит разобраться, что к чему, зря я хотел бросить сеансы.

– Ваша решимость – отличный знак, думаю, вы близки к тому воплощению, с которого все началось. И ваши сны говорят о том же. Расскажите мне, что вам снилось.

– Мне теперь много чего снится, почти каждый день. Я не все помню, было что-то про инквизицию, и про каких-то

всадников...

– Расскажите то, что вам запомнилось.

– Ну, мне снилось, что я раньше я был судьей. Важный такой! Ко мне привели парня, совсем сопляка, сказали, что он украл на рынке четыре акче. Я не знаю, что за такая «акче», но во сне это были монетки, вроде как серебряные. И я приговорил его к смерти. Вообще-то за такую кражу смертью не карают, но мне все подчинялись, никто не смел меня слушаться, и я приговорил его к смерти. Ему отрубили руку, а потом еще и голову. Я смотрел, как он умирает. А потом повесился.

– И вы сказали ему?..

– Да, эти слова. «Мы снова увидимся!» – я всем так говорю. Может, увидимся в аду? Может они плохие люди, и я убивал за грехи?

– Мы обсуждали это с вами, Лаэрт. Ада не существует, есть только...

– Да, да, только новые воплощения, я помню. Это я глупость сказал, другие-то ничего плохого не сделали, никаких грехов!

– Расскажите мне про других.

– Мне снилось, что я проститутка в Лондоне, веке в 18, кажется. Я скакала верхом на каком-то мужике в борделе, а потом достала нож, и воткнула ему в живот. Еще и провернула, что бы больнее было! И опять все так же: «Мы снова увидимся!», и опять ножом себе по горлу. А самое поганое бы-

ло на прошлой неделе. В том сне я вспомнил, как был капитаном корабля. Пиратского. Мы захватили другой корабль, забрали груз, людей продали, но мне понравилась девушка. Симпатичная. Я ее забрал в каюту, что бы... Ну, вы поняли, док. А потом отдал команде. Цела толпа уголовников, которые месяца два в плавании без женщин! Но она выжила. И тогда я взял нож, и изрезал ее лицо, потом вспорол живот и выкинул ее за борт, она еще живая была. И сказал, что мы снова увидимся, а потом выстрелил в себя из пистолета. Вот же мои моряки обалдели тогда, наверное!

– Вы намного спокойнее рассказывает обо всем этом, чем раньше.

– Привык уже. Мне начинает казаться, что у всего и правда есть причина, как вы говорите, что у меня есть какая-то цель. Вы были правы, надо продолжать. Считайте уже свои от 10 до 0!

***

Старые боги похожи на нас. Они рождаются и умирают, любят и ненавидят, женятся и воюют. Они похожи на нас, но они другие. Их жизнь длится так долго, что кажется нам вечной, их сила так велика, что кажется нам всемогуществом.

У богов свое представление о времени. Мы построим город, украсим его статуями, возведем дворцы из лучших бревен, но пройдет время, и все обратится в руины, статуи рассыпятся, дворцы утонут в песке, и даже память о них сотрется. В нашем мире пройдут века и сменятся поколения. Но

в мире богов едва ли минует один день. Наши жизни проносятся для них, как мгновения и неверующим кажется, что боги не отвечают на их молитвы. Но кто мы такие, что бы боги вмешивались в тот крохотный миг, что нам отпущен?

Боги всегда рядом и слышат каждое наше слово. Но если они решат вмешаться, если обратят внимание на ваши мольбы и исполнят их, по воле своей, то их воля останется с вами не на день, не до конца жизни, их воля останется с вами навечно. У богов свое понимание времени, они не отсчитывают дни, они отсчитывают прошедшие мимо них вечности. Просите, и вы получите то, о чем просите, но не говорите потом, что получили слишком много. Воля богов не знает пределов, начавшись раз, она уже не закончится.

Моя мать умерла, давая мне жизнь. Отец отдал меня на воспитание жрицам храма и повел войско на юг, в земли безумных варваров и дикарей, не знающих наших старых богов. Он собрал всех мужчин, способных взять в руки бронзовый меч или копье, и пошел с ними, обращать в веру тех, кто примет ее, и убивать тех, кто отвергнет его священный дар истиной веры, любви и милосердия. Войско ушло на юг, и никто уже не вернулся домой, а варвары остались варварами.

Жрицы вырастили меня. Вечные девственницы, проводящие дни в молитвах и священных танцах, они приносили жертвы и возжигали костры во славу Верховной, хранящей любовь, Гаг-Рашона, четырехрукого истребителя зла, в честь

ужасного Архошака, правящего в царстве бродячих мертвецов, не сумевших найти дорогу в иной мир. Теперь я одна из жриц. Девятнадцать лет я провела в храме. Пять лет я обходила его залы, читала молитвы, проливая жертвенную кровь в золотые чаши и благословляла больных. А потом варвары с юга пришли на нашу землю.

Как черный поток они разливались по стране, наполняли города и оставляли за собой смерть, руины и сожженные храмы. Жрецы принесли выкуп за жизни, предложили сокровища, что хранились в храмах, и варвары взяли золото, но сожгли жрецов в яме с горячей смолой, и продолжили путь.

Слабые бежали. Трусливые прятались. Утратившие веру отрекались от богов. Но я не побежала. Я встретила южан на пороге храма, ударила того, что шел первым, а он ударил в ответ, и моя кровь пролилась на каменные плиты. Я не знаю, сколько пролежала на полу. Мои волосы пропитались кровью, и она уже успела высохнуть, но варвары все еще не ушли.

Я видела, как они жарят жертвенных коз над огнем священных костров, как вырывают золотые глаза статуями моих богов. Я слышала крики моих сестер, их мольбы и пощаде. В нашем святом храме они молились не богам, а своим насильникам и убийцам! Только я осталась верна вере предков. И только я осталась жива.

– А тут живая! – толстый южанин, в заляпанной крови тунике, отбросил в сторону жертвенную чашу и пошел ко

мне. – Смотри-ка, еще шевелится!

– Что там у тебя, Доктрейн? – еще один варвар подобрал чашу и сунул в свой мешок.

– Девка у меня, сам не видишь? – буркнул Доктрейн.

Он не для разговоров пришел сюда, и не для того, что бы тратить время на статуи, пусть у них и золотые глаза. Власть кружила его голову сильнее, чем золото. Власть причинять боль, власть нести смерть. Когда жалкие дикарки северного народа корчились у его ног, Доктрейн ощущал себя богом. Истинным богом, который вершит судьбы и значит куда больше, чем никчемный идол с четырьмя руками, лишенный глаз и сброшенный с пьедестала.

– Ну что, тварь? Где твои боги? – насмехался он. – Помолись им, может, придут да помогут! Может, спасут тебя, а меня проклянут, а? Давай, нашли на меня проклятие! Нет? Никак? Ну, тогда посмотрим, что у тебя есть. Что скажешь, сучка, был тут уже кто? – Доктрейн задрал мою юбку. – Попользовалась уже своими дырками, или так и сдохнешь тут, целенькая? Да не трясись ты, не сдохнешь. Целенькой не сдохнешь, старина Док обещает!

Он расхохотался, я рванулась в сторону и получила удар в лицо. На каменные плиты снова полилась кровь.

– Дергаться любишь? Ну, давай, дергайся, так интереснее! – Южный варвар рывком порвал мое платье, схватил сосок и выкрутил его, что было сил. Боль была невероятной, и я закричала, но я не просила пощады, я молила о возмез-

дии. Гаг-Рашон, я служила тебе с тех пор, как появилась на свет! Покарай тех, кто осквернил твоё изваяние, твой храм, тела твоих жриц! И пусть твоей каре не будет конца.

– Нравится, сучка, да? А так нравится? – Доктрин воткнул грязные пальцы в мою плоть, в то святое святых, что каждая жрица хранит нетронутым. Грубо, злобно, причиняя как можно больше боли, и так глубоко, как смог.

– Как тебе такое, а? Сперва так, а скоро остальное получишь. Ты ждала, да? Все вы это ждете! Нравится тебе, как пахнет твоя дырка, а, сучка? – Варвар прижал пальцы к моим губам. – Облизни это! Я сказал слизывай! Открой рот, падаль!

И я открыла рот. Мои губы обхватили пальцы варвара, слизывая с них его грязь и мою кровь.

– Вот так, давай, учись ртом работать, пригодится! – Варвар расхохотался, ослабил хватку, наслаждаясь своей властью, и сам заорал от боли, когда я впилась зубами в его руку. Теперь на пол храма текла уже его кровь, а не моя.

– Доктрин, ты чего там так орешь? – еще один южанин отвлекся от разграбления храма – Ты, что ли, с девкой не смог управиться, Док? Вот умора...

– Я с тобой управляюсь, если не заткнешься, сам у меня будешь вместо девки! – Док вытер кровь с руки о тунику. – Эта тварь меня укусила!

– Так и ты ее укуси. И проваливай уже, парни ждут.

– Подождут! – огрызнулся Док. Он опять ударил меня по

лицу, а я плюнула в него, слюной и кровью, и выбитыми зубами.

– Ах, ты ж тварь! – Док вытер кровь с лица и снова ударил меня. И еще, и еще.

– Доктрейн, хорош уже! Док! Док, хватит, ты ж ее убьешь! – второй варвар отпихнул его в сторону.

– И убью. А тебе что с того? – Док поднялся и вынул меч.

– Ты не один тут, это ж последняя девка осталась, она еще нас всех должна порадовать! А с мертвой что делать?

– А ты попробуй с мертвой, Церт, пока тепленькая, может понравится! Хочешь эту? Хочешь?! Ну, так бери! – Док взмахнул мечом, но не Церта он ударил. Меч вошел в мой живот. Док провернул его в ране, я закричала снова, и уже не могла остановиться.

– Забирай ее, Церт. Смотри, у нее новая дырка получилась, можешь ее и попользовать!

– Зря ты так, Док. Я-то думал, мы друзья... – второй варвар вынул свой меч из ножен. Воины юга не привыкли прощать оскорбления. Даже друзьям!

***

– Лаэрт, Лаэрт! Очнитесь! Лаэрт!

– А?.. Что?.. Что случилось, Док?

– Вы застряли. Я такого еще никогда не видел, но вы застряли в прошлой жизни, перестали говорить со мной, и я не мог вас разбудить. И вы кричали. Что вы видели?

– Что я видел, Док? Видел, что вы правы, и мне надо бы-

ло все вспомнить, что бы все понять. Вы были правы, я не маньяк! Я был... была... Я была жрицей в храме. Меня убил один из варваров. Он насмеялся над моими богами и сам просил его проклясть. Каков дурак! Наши старые боги всех слышат. И его тоже убили, тут же, рядом со мной. Наша кровь смешалась.

Ты знал, что душа заключена в крови, Док? А когда кровь смешивается на полу храма старых богов, смешиваются и души. Я нашла варвара в следующей жизни, когда он был стариком, а я надменным воеводой. Я сразу узнала его, и затоптала конем насмерть.

Я его узнала, когда была судьей, а он мелким воришкой. И когда была шлюхой, а он моряком, и когда он был красоткой, а я фокусником. Он был ребенком в Китае, он был священником в Кровлине, он много кем был за эти века. Но это всегда он, и я всегда его узнаю.

И всегда знаю, что мы снова увидимся, в новых жизнях, и я снова его убью, я буду мстить ему всегда! Время у богов измеряется только вечностью. Это никогда не кончится, и никогда не надоест. У меня есть цель! Вот почему я сама всегда умираю после убийства – не хочу тянуть время, ждать впустую, чем раньше мы умрем, тем раньше мы встретимся снова, и я опять его убью. Ты был прав, Док, мне надо было это вспомнить. Я только теперь поняла, зачем ношу нож на твои сеансы.

Вот только не надо кричать, Док! Никто не придет, ты же

сам запер двери. В этот раз ты хотел мне помочь, так что я все сделаю быстро, почти без боли. Не волнуйся, Док, это еще не конец, я всегда найду тебя. Мы снова увидимся!